

КРОКОДИЛ

Цена 15 коп.

№ 44

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

МОСКВА, НОЯБРЬ 1927 г.

Рис. К. Елисева

K 556
6

НАДОЕЛА ЭТА МУЗЫКА!

1927

— Играем, играем, а никто к нам не идет!..

Handwritten scribbles and signatures in the bottom left corner.

Рис. Д. Мельникова

— Нет ли у вас должности, товарищ заведующий?!
— Стыдно, молодой человек! Такой здоровый, — работать надо!!!

ЗАМЕТКИ САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Просматривая на досуге творения великих поэтов, сделал открытие, что М. Ю. Лермонтов был парт-оппозиционером. Бесспорным доказательством этого факта является нижеприведенный, принадлежащий его перу, стих:

«Выхожу один я на дорогу»...

Приветствую стойкого борца, но не вполне однако с ним соглашаюсь. В вышеприведенном стихе содержится некоторое преувеличение. Мы, парт-оппозиционеры, не столь уж одиноки, как кажется М. Ю. Лермонтову: нам сочувствуют многие и многие партийцы!

Правда, эти партийцы — члены не ВКП, а других, не-коммунистических партий. Кроме того, они живут за границей. Но факт остается фактом: многие партийцы стоят определенно на нашей стороне!

В числе вышеозначенных сочувствующих имеются и крупные парт-фигуры. К таковым отношу, например, Павла Николаевича Милюкова, человека известного, с большим парт-стажем.

**

Сего числа напечатано в газетах об исключении т.т. Троцкого и Зиновьева из рядов ВКП.

Прочел с удовольствием.

Неопытные парт-оппозиционеры, возможно, высказали бы удивление по поводу таковой моей резолюции:

— Почему же, дескать, с удовольствием, а не с возмущением?

На это возражу, что выражаемое мною удовольствие имеет под собою почву и является обоснованным.

Во-первых, отныне каждый парт-оппозиционер получает полное и неоспоримое право сказать о вождах оппозиции:

— Это не рядовые товарищи, а из рядов вон выходящие!

Во-вторых, на вопрос о том, как проходит фракционная работа оппозиции, отныне можно, отнюдь не преувеличивая, ответить:

— С исключительным успехом!

Таким образом исключение двоих вождей может немало поспособствовать славе парт-оппозиции, вместо чем нанести ей урон.

С чувством глубокого негодования читаю и выслушиваю наглые сообщения о том, что за оппозицию голосует якобы ничтожное количество членов парт-ячеек: не свыше одного процента.

Согласен, что не свыше одного... Но с какою неслыханной передержкой имеем мы в данном случае дело!..

Знающим арифметику поясню.

Допустим, что в крупной ячейке насчитывается тысяча членов. Следовательно, за оппозицию голосуют десять человек. Процент тут, конечно, всего один, но оппозиционеров — не один и не два, а целый десяток!

Возьмем теперь обратное соотношение сил. Допустим при этом невероятное: предположим, что из общего числа десяти парт-оппозиционеров проголосуют за линию ЦК не один, и не два, а целых пять процентов!

Сосчитайте. И вы убедитесь, что эти пять процентов составляют, в общей сложности, всего-на-всего, половину одного человека....

Что же получается? Простой подсчет неопровержимо доказывает, что один процент членов партии, голосующих за оппозицию, в двадцать раз больше, чем пять процентов оппозиционеров, голосующих за партию!

Следовательно, наш успех неизмеримо крупнее, чем успех так называемого большинства.

Вот что выходит, если не допускать заведомого искажения действительности и не передергивать цифр и фактов!..

Точно так же, конечно, обстоит дело не только с фактами, но и с цитатами или со статистическими данными. Так называемое большинство передергивает эти цитаты и данные, мы же приводим их в надлежащем освещении и с соответствующими исправлениями.

Кто же прав?

На чьей стороне истина и победа?

На вышеозначенные вопросы излишне, думается, было бы давать ответ.

Он ясен!

Беспартийный парт-оппозиционер

Савелий Октябрьев.

Эх, кабы!

Эх, кабы все темы не были избиты!
Кабы обыватель выскочил из быта!
Эх, кабы к загулам не были мы слабы!
Эх, кабы пореже разводились бабы!
Эх, кабы да в лавках побольше товаров!
Эх, кабы шпану всю счистить с тротуаров!
Кабы бюрократам выбили клыки-то!
Эх, кабы по шапке маму-волокиту!
Эх, кабы повсюду понимал брат-брата!
Эх, кабы да вовсе вывелись растраты!
Эх, кабы побольше трезвых убеждений!
Эх, кабы „родню“ вою прочь из учреждений!
Эх, кабы все завывы не были так горды!
Эх, кабы к нам лорды не совали морды!
Кабы друг и недруг бросили коситься!
Эх, кабы побольше кумачу да ситцу!
Эх, кабы всю нечисть сбить с гнилых позиций!
Эх, кабы изжить нам бредни оппозиций!
Кабы за халтуру не платили тысячи!
Эх, кабы изжить нам все хвосты-хвостыщи!
Кабы из оглобел спец-мудрец не вылез!
Эх, кабы изжить нам весь жилищный кризис!
Эх, кабы не дракой разрешали спор-то!
Эх, кабы все войны по боку да к чорту!

М. А.

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Посылайте нам материал для отдела

„ОРДЕН КРОКОДИЛА“

ВСТРЕЧА

Приехав в Москву, Чаликов прежде всего решил навестить старого друга по фронту, Терехова. Проспав ночь в скверном общежитии, он чуть свет поднялся и, отыскав в засаленном кармане френча служебный адрес друга, отправился, заранее предвкушая радость встречи.

— Ведь я его, Ваську, чорта лысого, года четыре не видал! Сколь-ко воды-то утекло! Вот будет что порассказать!

И рыжие, нечищенные сапоги быстрее месили талый снег. Управление треста, где служил Терехов, было не близко, и Чаликов спешил:

— Надо его пораньше застукать, а то пойдут дела и не поговоришь как следует!

Птицей взлетел Чаликов по широким ступеням. Взлетел и остановился. Огромные канцелярские комнаты были пусты. Только две уборщицы не спеша подметали вчерашний сор.

— Вам что? — сердитс уставилась одна из них на Чаликова. — Кого вам? Что вы этакую рань забрались?

— Товарищ Терехов еще не приходил? Можно мне его видеть?

Уборщица сделалась подозрительной:

— Что-о? Товарищ Терехов? Товарищ Терехов приезжают в два часа. А записаться к им можно через секретаря. Поняли?.. Только у вас какое дело-то? Может, вам не туда и надо-то?

— Мне, нужно лично видеть товарища Терехова!.. Значит, раньше двух его не будет?

— Нет!

Чаликов мрачно повернул к выходу, а вслед ему прозвучал насмешливый голос:

— Каждый такой прибежит и каждый вид хочет показать: «К товарищу Терехову! Лично!». А и нужно-то самому целковый какой получить. Придет Иван Иванович—и выдаст. А то—к Терехову!..

Но Чаликов уже не слышал. Вновь повеселевши, он шагал осматривать Москву:

— Забегу попозже! Занят, должно быть, Васька по горло. Да и мне кое-какие делишки к стати надо справить. Ну-ка! Посмотрим по списочку, до двух-то часов много можно сделать! А заодно и Москвой полюбуюсь, — вишь, она какая красавица — не чета нашему Окромску.

Сухопарая секретарша в платье, обтянутом как перчатка, досадливо морща бровь, говорила Чаликову:

— Товарищ Терехов сейчас занят. У него заседание. Русским языком вам говорят. И никаких ваших записок я ему передавать не намерена. Поняли?

Чаликов не понимал и не мог понять. Как это Васька Терехов, тот самый Васька, с которым он вместе был в Сибири, в героическом полку «Сожженных деревень», а потом в регулярной армии вместе сражался против Врангеля, — этот самый Васька не может его принять! Да неправда это!

Сквозь пудру секретаршиного лица проступила краска. Покраснел и Чаликов, и в голосе его зазвучали резкие металлические нотки.

Неизвестно, чем бы закончился этот поединок, если бы в эту минуту из кабинета не вышел сам Терехов. Ведь даже самые важные государственные люди принуждены иногда выходить из своих кабинетов хотя бы и во время заседания.

Оба приятеля остолбенели, хотя Чаликов, конечно, остолбенел больше. Настолько больше, что сидя минуту спустя в совершенно пустом кабинете, куда его поспешно втолкнул Терехов после первых объятий, он смущенно протирает глаза. Кабинет был обставлен по-барски: с мягкой мебелью, гардинами, коврами, американскими шкафами и бронзовыми бра. И нос Чаликова смущался не менее своего хозяина, лова в воздухе кабинета тот же самый запах пряного одеколона и английского табака, которым дохла на него вся расплывшаяся фигура Терехова.

Не прошло чаликовское остолбенение и тогда, когда сам Терехов вернулся в кабинет и весело уселся рядом с Чаликовым, оправляя свои разутюженные короткие брюки.

— Васька! Ты ли это?

— Я. Не узнаешь? До сих пор не узнаешь?

И Терехов несколько смущенно улыбнулся, лова взгляд приятеля на своих желтых шевровых ботинках, круглых роговых очках, блестящем проборе и слегка (только слегка!) намечающемся брюшке.

— Разве уж я так изменился?

И, не давши Чаликову ответить, Терехов взглянул на часы и поднялся:

— Вот что, Андрей! Ты ведь, наверно, еще не обедал? Время — пол-четвертого. Едем сейчас ко мне и за обедом обо всем поговорим. Идет? Тогда спускайся вниз—там машина ждет. А я еще скажу пару слов тут... по телефону...

— Сколько раз я говорил, чтобы ты не пускала Наточку гулять одну. На дворе там чорт знает какие дети... и... вообще это непорядки! Видишь, как она балуется!

Терехов взволнованно бросил салфетку на стол. Чаликов во все время обеда мрачно молчал, напряженно улыбался и чувствовал, как растет в нем глухая, огромная неприязнь к бывшему другу и соратнику.

И томная, расплывшаяся жена Терехова, которую Чаликов когда-то знал сухонькой девушкой, в солдатской шинели, и дочка с огромным красным бантом в приглаженных косичках, декламирующая по заказу пионерские стихи и песенки, и жирная кошка на диване, — все, все вызывало у Чаликова чувство физической тошноты и духоты. Он обливался потом и буквально задыхался.

— Сказать ему... сразу? Обложить его... по-старому? Неужели он сам не видит? Нет, нет! Не видит! И как не обкладывай—не помо-жешь!

А Терехов уже снова улыбался:

— А у меня, брат, неприятности! Помнишь Шибанова? Николая? Такой, брат... подлец оказался. Поддал на меня в контрольную. Ну, да ничего. Мы, старые фронтовики... хе-хе... Не впервой!

Чаликов уже раскрыл рот, чтобы сказать что-то острое, горячее, как лава, донельзя обидное и колющее, но сдержался.

И, помолчав, заметил только:

— Да-а... А у нас тоже троих недавно вычистили!..

Терехов изумленно вскинул глаза:

— Это ты к чему, собственно?

— А так... Нет, спасибо, фруктов я не хочу!

И Чаликов поднялся, благодаря за обед.

— Подожди, Андрей! Сейчас все вместе пойдем! Вот и жене тоже нужно... по делам.

— На собрание, что ли?

— Не-ет... Она, знаешь... выбыла... механически. То да се... понимаешь... Подожди минуточку!..

А на улице Терехов улыбаясь подтолкнул Чаликова вперед:

— Возьми Катерину под руку. А то, смотри, она такую шубку отхватила,—прямо неудобно с ней ходить. А тут как раз место такое,—на кого угодно нарваться можно.

Чаликов уперся:

— Нет! Мне совсем, совсем в другую сторону!

И резко повернувшись, не прощаясь, он быстро зашагал по улице, вздохнув полной грудью.

Как хорошо, что с десяти до двух у него было время увидеть Москву, настоящую Москву... не тереховскую!

Вас. Лебедев-Кумач.

СКАЗКА О ГРАЖДАНИНЕ ПИСУЛЬКИНЕ

За горами, за лесами,
На земле под небесами,
С ношей лет и лыс и сед
Жил весьма почтенный дед.
У старинки три сына:
Старший умный был детина,
Средний сын умен и нет,
Младший вовсе был... поэт.
Двое сеяли пшеницу,
Третий смылся во столицу,
Норовя подняться вверх—
После дождичка в четверг.
Пусть делишки были шатки,
Паренек кропал стипендию
Много зим и много лет,
Знал сонет и триолет.
„Туберозы, розы, грезы“,—
Выжимал у женщин слезы
(Лирик горек, как чеснок),
Рифмой мог свалить он с ног...
В дни войны он пел Россию,
И стихи, и Мессию,—
Что ни стих—воды река,
Но... полтинничек строка.
Прославлял „почивших в бозе“,
Сам пристроился... в обозе,
Прогоня водкой сплин,
Всем кричал:—„Возьмем Берлин!“
Миг учел и в феврале-то
Пел Керенскому куплеты,
Славил „бабушку“—ягу,
У нее—де все в долгу.
В Октябре надел он кротко
Куртку и косоворотку,—
Наш Федот уже не тот,
Он учел переворот.

Но... куда ж от „хамов“ деться?
Надо будет приглядеться,
И опять раскрыл он рот:
— „За Октябрь! вперед, народ!“
Снова: „Солнце и оконце,
Смоем таль, сняет даль...
И пожарищ и товарищ,
И... совсем ушла печаль“...
Вдруг обилии из ушата:
Возвратили все стишата,
— „Нам бумага, мол, нужна
Не для этого рожна“...
Тут со взглядом невеселым
Повернул он личность к салам
(Дохнуть чтой-то не к лицу)—
Шлет послание отцу:
— „Не имею ни кола я,
К дню святого Николая
Буду ждать от вас денюгу,
Жить в столице не могу“.

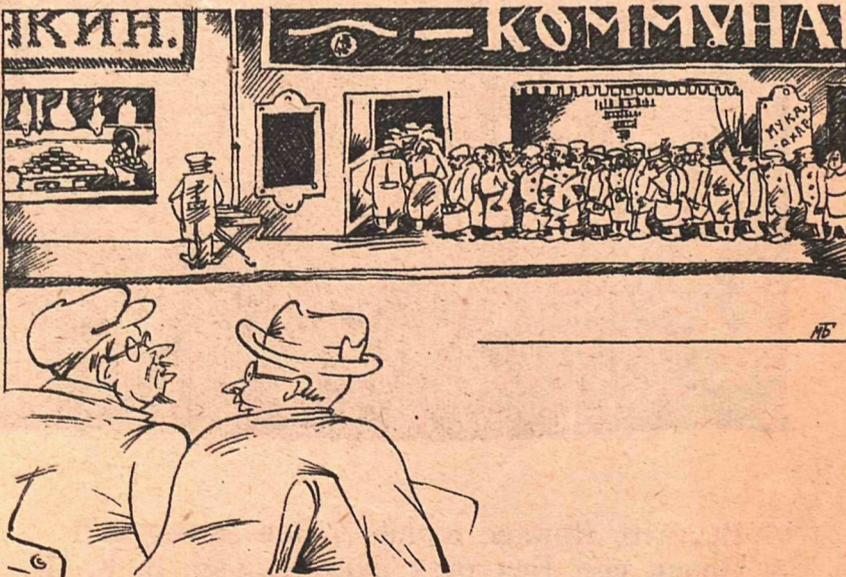
Говорят, под ряд два лета
Парни видели поэта:
На лугу он пас коров,
Сыт и весел и здоров.
Но... (увы! не небылца)
Наш Писулькин вновь в столице,
Влез он в целый ряд газет,
То он—Игрек то он—Зет...

Помогите, други-братцы,
Нам с халтурой расплеветься.
Прет Писулькиных семья,—
От халтуры—нет житья!

М. А.

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

Рис. А. Малеинова

— Почему к частнику никакой очереди нет?
— Не пользуется любовью населения...

В ПОДПОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ

Рис. К. Елисева

— Ну, что. Принес шрифт?! Все захватил?!
— Почти все. Без трех букв только: В, К, П.

УМЕРЛА ВЕРА

Вы, гражданин, может быть, думаете, что я растратчик... Или, что я пропиваю полдник, как горький пьяница... Или считаете за неосознательный элемент, который вместо чем про международное и внутреннее где ни на есть слушаю, в пивной проводит остатки своей молодости и зрелого возраста в растлевающей обстановке?!

Пью?! Верно. Пью!!! Что-то пропиваю?! Пропиваю,—опять это вы правильно. Деньги, думаете?! Ерунда ваши деньги.

Пропиваю я, гражданин хороший, веру в человека и — пущай меня всякий слышит, мне терять нечего! — веру в строительство социализма пропиваю.

Верил я, во все верил. И когда на исходящих номер наш ставил,—верил, что вкладываю и свой камень в общее дело строительства... А теперь — аминь. Пропиваю я эту веру и плюю с высокого дерева на исходящий номер...

По порядку событий... Позвольте, с чего оно началось это мое неверие?!

Да, началось оно вот с чего. Занятия наши к концу подходили и заносил я в журнал входящую почту. А столик мой, как изволите соображать, первый у входа стоит. Служащие уже выходят. И сам товарищ Игнатьев, Николай Петрович—заведующий наш—изволили неторопливо проследовать, бережно неся портфельчик свой...

Николая Петровича знать изволите?! Нет?! Странно! Разве, может, вы приезжий?! Ну, тогда, извините меня, я вам удивляюсь! Николай Петрович... Описать невозможно этого человека. Все от него зависит: напишут—«сократить» и нет человека. Скажут—«зачислить», и человек вознесен. Положат резолюцию—«выдать», и считайте деньги в кармане. Прикажут—«отказаться», и конец упованиям.

Вот какой человек Николай Петрович, товарищ Игнатьев! Могучий человек и вызывающий трепет.

В упоении своем от случайной близости к великому человеку я заканчивал проставлять входящие и вдруг из прихожей услышал громкий голос дерзкого человека.

Ну, думаю, на швейцара Никиту кто-то напустился,—этот ему сейчас всыпет.

И высунул голову в прихожую. Что же я вижу?! Стоит невзрачный человечек, держит за пуговицу (как у него рука не отсохла!!!) самого Николая Петровича и кричит:

— Ты, Игнатьев, дурака не валяй! Раз я говорю, что так,—значит так, и нечего мне голову задуривать.

Ну, думаю, при смерти человека присутствую!!! Но Николай Петрович вежливо так пуговицу высвободили и говорят:

— Брось бузить. Поставлю на коллегую...

И вышел. Только и всего. Ноги у меня подкосились,—что ж это, думаю, за такое?! Николаю Петровичу такие слова и ничего?! И кинулся я вслед за товарищем Игнатьевым, ибо пахло стихийным бедствием в воздухе. И, кроме того, думал, может удастся в машину их подсадить...

Выскакиваю на улицу — нет машины. Ну, думаю, опоздал, — вихрем они понеслись в ОГПУ наказать виновника. Оглядываясь по сторонам оторопело и вдруг вижу:

Николай Петрович с портфельчиком скромно стоят и не в первом ряду у трамвайной очереди на букву «А». Колебнулоя я в своем сознании и неверными шагами стал в ту же очередь. С помрачением, как сквозь туман заметил, что товарищ Игнатьев пропустили два переполненных вагона и вошли в третий, куда живая волна человеческая захлестнула и меня.

— У кого еще нет билетов, граждане. Граждане, берите билеты,—в своем ослеплении восклицает кондукторша и добавляет: мест нет, граждане, вагон трогается!!!

Вагон, действительно, трогается и какие-то неосознательные граждане опираются боками о корпус Николая Петровича. И он терпеливо сносит надругательство...

Я уж мало соображаю но вижу все-таки, как протягивает Николай Петрович бумажку кондукторше, а та ему дерзко возражает:

— Сдачи нет, гражданин, мелочь давайте!

Они, не гневаясь, говорят:

— Нет у меня мелочи, товарищ...

— Тогда сойдите!—кричит обезумевшая женщина.

Встали у меня волосы дыбом от ужаса: пропало трамвайное движение, уничтожит его в гневе своем Николай Петрович! А кондукторша дергает за свою веревку, дает остановку по требованию и настоятельно кричит:

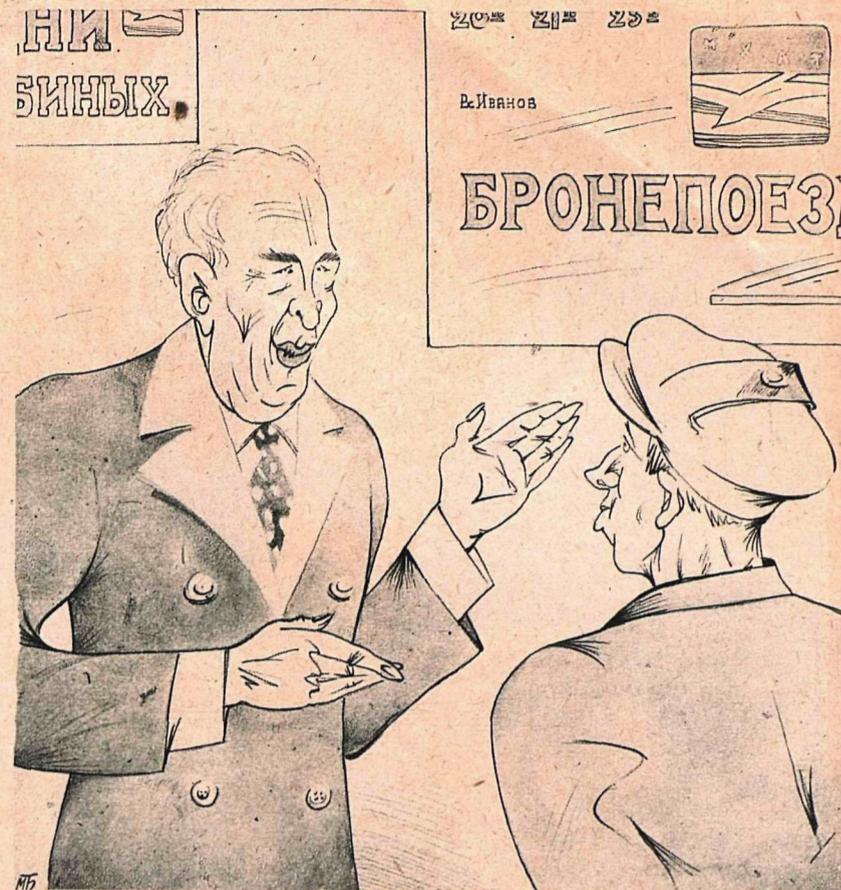
— Сходите, гражданин, не задерживайте вагон!!!

И что же вы думаете?! Николай Петрович проследовали к передней площадке и вышли. Естественно, не желая быть замешанным в преступление, вышел и я следом за ними...

А в мыслях у меня такое: все ли трамвайное движение будет упразднено или только линию «А» бульварную ороют и переместят вавоно?! И за своими мыслями чуть не упустил из вида величествен-

ПО СУЩЕСТВУ

Рис. М. Бабиченко

— Нас упрекают в том, что мы для рабочих ничего не даем. А вот, пожалуйста, „Бронепоезд“ идет...

— А сколько мест на этот „Бронепоезд“ забронировано для рабочих?!

ную фигуру Николая Петровича,—уже ихняя спина мелькнула в дверях кооперативной лавки. Рысью я припустился, жажда услышать их распоряжения, кои они будут передавать по телефону...

Вбежал—и остекленел. Скромно стояли перед прилавком Николай Петрович и безответственный приказчик на них кричал:

— Это вам не Сухаревка, гражданин! Нечего товар копать, — по порядку режем. А не нравится—пожа, пожа!!!

И Николай Петрович вышли, обдумывая, видимо, декрет о закрытии кооперации. Я же не своими ногами добрал домой и в полубезчувственном состоянии провел остаток дня и ночь...

А на утро... Лучше и не вспоминать мне это утро!!!

Так же бегают трамвай бульварного кольца «А»... Во-всю торгует кооператив... И кондукторшу ту видел я, и приказчика того заметил. И в учреждение давешний дерзак пришел и в кабинет без доклада и очереди...

Что ж это значит, гражданин?! Значит, что Николай Петрович—ничто?! Значит, его можно и толкнуть, и облить и из трамвая высадить... Так я должен это понимать?!

А вера моя в человека где?.. Растроптана прубыми ногами кондукторши... Захватава грязными руками кооперативного приказчика... И пью... Пропиваю...

Вл. Павлов.

„МНОГО ШТАТУ ИЗ-ЗА НИЧЕГО“

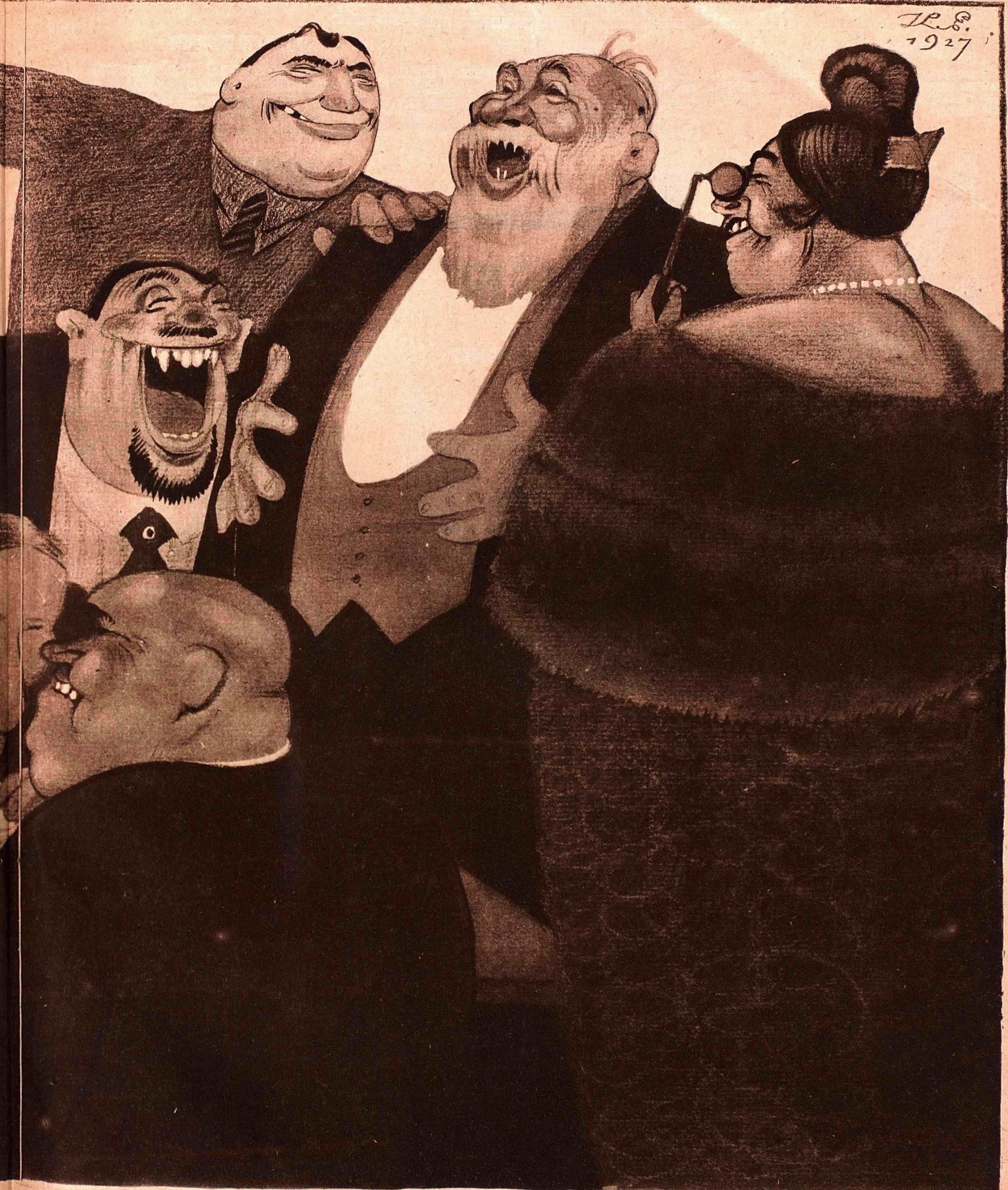
Для управления санаториями существовал параллельный Мосздраотделу орган, имевший штат в 142 чел. Аппарат этот занимался выработкой фасона трусиков к летнему сезону.

Польется денежный каскад,
И их бюджет дойдет „до точки“,
Коль будет специальный штат
Корпеть... над модой на „порточки“.

Ф.

Л. С.
1927

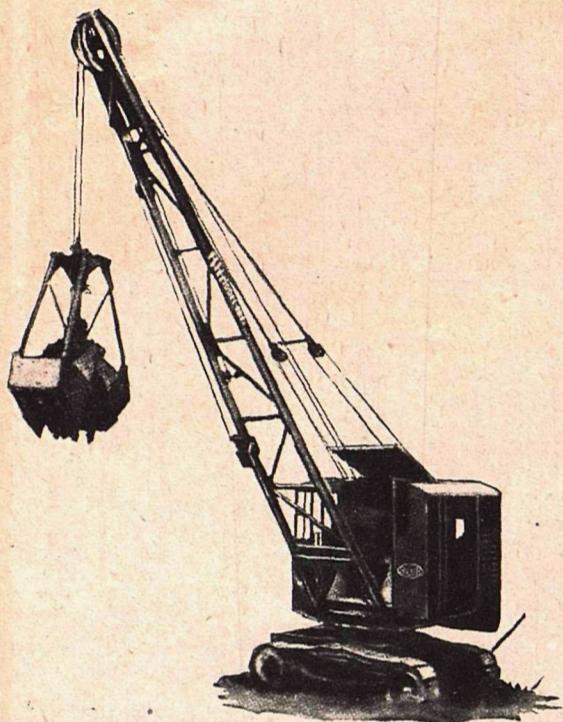

ДЕКЛАРАЦИЮ ФИНИНСПЕКТОРУ.

НАШ ПАНОПТИКУМ

СИЛЬНОЕ СРЕДСТВО

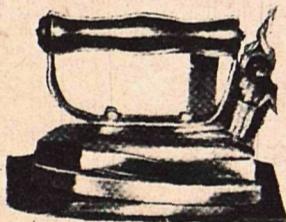
Новгородское губбюро краеведения уже свыше года маринует устав старорусского общества краеведения, который послан ему на утверждение.

Посылаем завгуббюро этот подъемный кран. Может быть, хоть с его помощью он подымет работу своего учреждения на должную высоту.

ПОВТОРЕНИЕ ПРОЙДЕННОГО

Жалуется нам читатель „Смехача“: „В № 33 журнала за нынешний год на второй и на пятой страницах напечатаны одни и те же фельетоны и рисунки“.

Посылаем редакции „Смехача“ этот утюг. Пускай загладит неважное впечатление, которое осталось у их читателя Сергея Ниточкина (гор. Ейск) после прочтения номера.

„БОРОДАТЫЙ“ ТАРИФ

Если на сахарный завод приходила женщина, ей устанавливался 1-й разряд. Если же мужчина, да еще с бородой, за ту же работу платили выше.

„Р. Г.“

Смотря—с какою бородой...
Коль „клинышком“—разряд 2-й,
А если борода „лопатою“
Дадут, наверно, сразу 5-й!

Ф. Б.

УМНЫЕ СТРОИТЕЛИ

В д. № 1 по Русаковской ул. прачечную устроили... на 4 этаже. Вся вода стекает вниз...

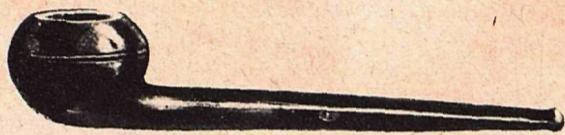
„Р. М.“

Вот нижнеэтажные жители,
О беде этой думая так:
— Очевидно у этих строителей
Не в порядке „ЧЕРДАК“...

Ф.

ДЕЛО—ТАБАК

Зав. экспедицией табачной фабрики в Курске, Умереннов — человек весьма неумеренный. Уволив с работы одного демобилизованного красноармейца, он принял на службу свояка, который не состоит даже членом профсоюза.

Посылаем Умереннову эту трубку. Пускай, покуривая ее, он помнит, что в один прекрасный день можно выкурить не только трубку, но и ее обладателя.

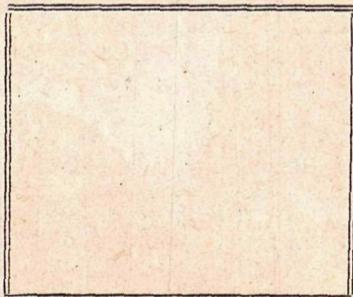
„ТВОРЦЫ НОВОЙ ЖИЗНИ“

Три полтпросветработника ст. Отрадной, Сев.-Кавказского края, Власов, Брусенко и Волосатый, решив прославиться на всю станицу, снялись, повесив над собой вывеску: „Творцы новой жизни“.

Не знаем, что натворили в жизни указанные товарищи, но тому для „Крокодила“ они придумали не плохую.

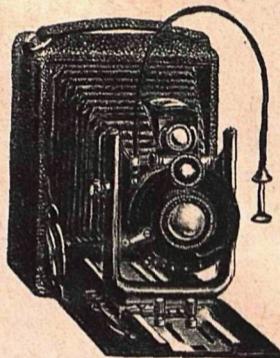
БЕДНАЯ БУМАГА

На отгороженном месте читатель видит кусок обыкновенной бумаги, которая все терпит, в том числе и циркуляры сталинградской конторы Хлебопродукта. Контора предложила мельницам испытывать прочность мешков, путем наполнения их зерном не менее 4 1/2 пудов и сбрасывания с большой высоты от двух до четырех раз. Видно, что нянька в детстве обращалась с автором этого циркуляра точно так, как он предлагает обращаться с хлебом. Но хлеб-то ведь денег стоит.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Зам. зав. астраханской гор. станцией Р.-У. ж. д. Звонарева запросил по телефону о судьбе груза, но он, несмотря на то, что был в курсе этого дела, справку дать отказался, потребовав, чтобы ему написали отношение.

Посылаем нашим астраханским читателям этот аппарат. Пускай они снимут тов. Звонарева, если местный аппарат не действует.

СОБАЧКУ ЗРЯ ОБИДЕЛИ

„Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало“—гласит поговорка. В данном случае впали в детство двое рабочих модельного цеха завода „Красная Звезда“ (г. Зиновьевск), а самое печальное во всей этой истории то, что плакали не они, а заводские денежки.

Во время работы эти „веселые ребята“ поймали фокстерьера и раскрасили его во все цвета радуги. Тяжелая собачья жизнь!

СТАРАЯ ШТУКА...

Чтобы привлечь публику, на афишах кино стали появляться надписи: „Дети до 16 лет на эту картину не допускаются“.

Как сборы подтянуть без специальных трат?
„Рекламу“ подпустить!.. (Эпиграф зри внимательно!)

Быть может, не придут десятка два ребят,
Но двести ЛИШНИХ взрослых—обязательно!..

ТЕАТРУ САТИРЫ II

„Эх, ядрить твою...!“
(Из пьесы „Ночь пред Рождеством“)

Дабы иметь заслуженный успех
И похвалы услышать наши,
Давай здоровый и „ЯДРЕННЫЙ“ СМЕХ,
Но только... без „мамашин“!..

Ар.

ШАХМАТИЗАЦИЯ УЛИЦЫ

„Лезь в трамвай!.. Напри!.. Не мешкай!..
Прозевал?.. Иди, брат, пешкой!..
— Ходит пешкой?!—Слышен свист:
— Уж наверно шахматист!..
„Стой! Тащи к пивной мильтона!..
Взял коня!.. Вон енто!.. Вона!..“
— Взял коня?!.. И снова свист:
— Вне сомнения, шахматист.
Навострясь и родным пенатам,
Пьяный встречных крост матом.
— Мат!..—Почтительнейший свист:
— Значит, сильный шахматист!..

М. А.

ЛЮДИ СЛОВА

Член правления рабкоопа тов. Котов нервничал: собрание кооперативных работников назначено в одиннадцать, а вот скоро уже час и никого нет. А он обещал жене в 2 быть дома. Конечно, если б не его доклад, его бы и самого не было, но...

— Чорт знает, что такое! Безобразие! — возмущался тов. Котов.

И, несмотря на то, что в зале было не больше двенадцати человек, он начал свой доклад о «преимуществах кооперации». Говорил он горячо. И каждому из присутствующих становилось ясно: раз кооперативу есть возможность приобретать товары лучше и дешевле, раз кооперативу везде льготы: и по перевозке товаров, и от финотдела, и за помещение, то ясно, — прямой расчет покупать в кооперативе.

— Товарищи! Вам необходимо на местах разъяснять, пропагандировать так, чтоб каждый гражданин нашего Союза понял бы раз навсегда, что только несознательные элементы, только те, которые не понимают своей выгоды, идут в частные лавки!.. Необходимо каждому разъяснить, чтобы он понял, что частный капитал получает хищнические проценты, в то время как кооператив заботится о покупателе. Чтобы это каждый понял и бойкотировал бы лавки непманов! Вырвем инициативу у частного и этим поможем советскому строительству успешней строить социализм!

Так закончил свой доклад тов. Котов и, шепнув председательствующему:—Спешу, спешу,— покинул собрание.

— Где ты пропал? Обещал—в два, а сейчас четыре!

— Да понимаешь, Манечка, на собрании задержался. Доклад делал,—оправдывался перед женой тов. Котов.

В другой раз Манечка не простила бы ему такой неаккуратности, но сейчас... сейчас, когда она вместе с мужем должна была идти покупать пальто, она не решилась скандалить и просто сказала:

— Ну, ладно, давай решим, в какой магазин пойдем. Может быть, к Рюмину и С-я?

— Давай в наш кооператив заглянем? — не решительно произнес Котов.

— В кооператив? Что ты, обалдел? Охота выкидывать деньги на улицу! Ни за что не пойду! Ни за что!

— Д-да... Но знаешь кооператив... там товары лучше и дешевле... — пробовал защищаться член правления рабкоопа.

— Лучше? Ты с ума сошел!

Но Котов ее перебил:

— Пойми же, Маня, нам необходимо поддерживать кооперацию, чтобы вырвать инициативу у частного, чтобы не дать ему наживаться хищнические проценты, тем самым...

— Замолчи! Замолчи! Ты ведь не на собрании! Слушать противно!

Последний довод, что он «не на собрании», вдруг как-то отрезал тов. Котова. Он вздохнул, крутнув головой, и ударив себя по лбу, сказал:

— Ф-фу! А ведь и верно, что не на собрании! Чорт возьми! А я то... Два часа делал доклад и, действительно, обалдел... Ну, не сердись, не сердись, милочка. Со всяким может затмение случиться!

И они пошли в «Парижский Шик».

Б. Левин.

ПО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Рис. Ю. Ганфа

— Что же вы мне показываете?! Мне для учреждения мебель нужна!
— Виноват-с. Я полагал, что счет—для учреждения, а мебель—для квартиры-с!

ПЕСНЯ БЫВШЕГО ЗАВМАГА

*Ах, на что мне теперь зарплата?
Я и солнцу давно не рад.
Укусила змея-растрата,
Подбирается к сердцу яд.*

*Ничего мне теперь не сладко,
Аппетит мой на-нет исчез;
Обманула лисица-взятка,
Заввела в непролазный лес.*

*Удрученный, молю я бога:
Боже, боже, услышь меня,
Помоги мне путем подлога
Вновь увидеть сиянье дня!*

Лука.

НЕСОГЛАСОВАННОСТЬ

Скажу без утайки: вот что у нас вышло. Отпустили, значит, нашего зава хозотделом тов. Воробейчика за границу. Вроде, конечно, в командировку, а на самом деле в отпуск, но об этом — ша!

Так. А хозотдел, значит, временно поручили заву орготделом тов. Соплянкину, который мог и двумя отделами управлять, так как считался высокого ума человеком.

И вот сел он на два отдела. И стал ворочать делами. И дела, конечно, пошли, отделы закружились, а я бумажки на подпись таскал и пакеты разносил.

Хорошо. День прошел, два прошли, а, может, и неделя пролетела. И вот несу я как-то пачку бумаг с подписи. Несу и читаю, конечно, верхнюю от нечего делать.

И вот прочитал я верхнюю бумажку, удивился очень и даже улыбнулся, хотя это курьерам и не полагается. А обращается, значит, в этой бумажке наш орготдел к нашему же хозотделу с такой просьбой:

«В виду крайней необходимости ПРОСИМ срочно отпустить для орготдела такие-то (имя рек) материалы.

Заворготделом СОПЛЯНКИН».

А на бумажке, в левом верхнем углу, была наложена такая резолюция:

«Считая указанные материалы орготделу совершенно ненужными — в просьбе ОТКАЗАТЬ».

Завхозотделом СОПЛЯНКИН».

И получилась несогласованность: Соплянкин, значит, просил у Соплянкина, и Соплянкин Соплянкину отказал.

Вот и все, граждане-товарищи, а больше я ничего не знаю.

Вас. Колчин.

ВИЛЫ В БОК

ПРИРОДА НАУКУ ОДОЛЕВАЕТ

Существует народная поговорка: «Природа науку одолевает». Поговорка, конечно, правильная, если иметь в виду природу канцелярскую:

Зав винницкими мекурсами тов. Ремига, получив 200 рублей на культнужды курсов; истратил эти деньги на оборудование своей канцелярии—купил письменный стол и прочие принадлежности.

Тов. Ремига рассудил здраво. Наука быстро меняет свои методы. Купишь какой-нибудь микроскоп, а он, смотришь, на завтра уже устарел. А канцелярская принадлежность — вещь постоянная, ибо канцелярщина, пока существуют всевозможные Ремиги — незыблема!

ОГНЕУПОРНЫЙ БРАНДМЕЙСТЕР

Орловские рабкоры много раз писали о полной непригодности брандмейстера Шкапинского, который, по выражению рабкоров, в пожарном деле понимает не больше, чем дитя.

Однако наши писания,—сообщает рабкор Руть,—цели не достигли, и в результате, благодаря плохо организованной пожарной помощи, сгорел единственный в Орле театр.

24 сентября, по неопытности Шкапинского, на учебных занятиях произошел несчастный случай с лестницей, изуродовавшей пожарника. Да и сам Шкапинский слетел с лестницы. Долго ли это будет продолжаться?

Очевидно, до тех пор, пока Шкапинский не слетит с лестницы служебной.

БЕДА

Не так страшна растрата, как ее последствия. В марте 1925 года, продавец рабочего кооператива на Павловском заводе, Пермского округа, К. Пономарев, следуя за модой, растратил 3.600 рублей.

Возникло дело, которым занялись сарапульская и пермская прокуратуры. Занимаются они им до сих пор, усердно разводя переписку, достигшую крайнего ожесточения. Уважаемые прокуратуры извели на это дело немало бумаги и денег. Они говорят, что кооператив вовлек их в весьма невыгодное дело. Кооператив согласен на отступное. Просит с прокуроров 4.000 за прекращение, но прокуроры торгуются. Говорят, что на эти четыре тысячи они лучше будут переписываться еще три года, а там, смотришь, какая-нибудь амнистия прекратит дело. В общем, положение не легкое. Виновник этих бед, Пономарев, говорит:

— Лучше бы мне дали каторжные работы, чем мучиться, глядя на такое безобразие!

ЗА СЛОВОМ В КАРМАН НЕ ЛЕЗЕТ

Простой товарищ и разговорчивый человек директор арзамасской войлочной фабрики, тов. Тюганов:

На одном из общих собраний рабочие жаловались на бесчисленные переводы с места на место и на грубость обращения. На другой же день после этого тов. Тюганов объявил строгий выговор 108 рабочим.

Другой гордец еле-еле слово выговаривает, а тов. Тюганов в один день закатывает по 108 выговоров!

ИДРАВУ НЕ ПРЕПЯТСТВУЙ

Любое производственное совещание может ментально превратиться в непроизводственное, если к нему отнестись так, как отнесся, например, зав. феодосийской почтовой конторой тов. Коваленко к совещанию работников конторы 4-го октября.

На совещание т. Коваленко явился в самом конце и, узнав о решениях, заявил: «Вы можете постановлять все, что вам угодно, а я буду делать, как мне нужно,—я здесь хозяин и все будет по-моему».

Топнул ли при этом ножкой или нет товарищ Коваленко—нам неизвестно, так как, по случаю крымского землетрясения, начальственного толчка отличить было невозможно.

РЕВНИВЫЙ РАСЧЕТ

Редкий случай сокращения произошел на фабрике «Красный Октябрь», Ив.-Вознесенской губернии:

Дирекция фабрики неожиданно предложила расчет машинистке Романовской, мотивируя расчет сокращением штата.

Когда машинистка явилась в дирекцию и передала свою расчетную книжку, то директор фабрики заявил, что, собственно, не он ее рассчитывает, а этого хочет и просит ее муж, т. Романовский (партиец), который из-за ревности не знает, как оберечь свою супругу.

Ревность, дорогие товарищи, пережиток тяжелого прошлого и до добра довести не может! Известный герой шекспировской пьесы Отелло из ревности даже задушил свою жену Дездемону. Правда, он был несознательный арап, но все же и нам следует остерегаться этого подлого чувства, ибо оно может довести нас до... контрольной комиссии.

Алло! Слушайте! Слушайте! Настраивайтесь! Настраивайтесь!

Рязань! Коломна! Краснодар! Минск! Киев! Луганск! Симферополь! Ижевск!

Настраивайтесь запустить вилы в бок вашим бюрократам и совдуракам! Шлите письма для отдела „Вилы в бок“.

Москва, „Крокодилу“. Тверская, 3.

СТОЛКНОВЕНИЕ

Какая-то загадочная драма произошла между начальником Гжатского уадмотдела т. Ермаковым и милиционером В. Кальниным. Официальная справка, выданная т. Ермаковым на имя В. Кальнина, говорит о следующих потрясениях:

Выдана сия справка т. Кальнину в том, что он уволен от службы в аттестационном порядке за то, что:

На все заданные вопросы отказался отвечать, тогда как мне советская власть ничего не дала для меня. Когда был задан вопрос о том, «что ему лучше, Чемберлен или советская власть»—он ответил, «что Чемберлен лучше для меня». На заданный вопрос, что нужно заниматься политикой, то тов. Кальнин отказался заниматься таковой.

Нач. Уадмотдла Ермаков.

Мы всегда говорили, что в Гжатске давно пора оборудовать хорошую водолечебницу с душем Шарко для неврастеников. Вот их сколько там развелось!

ДОМОВЫЕ ОДОЛЕЛИ

Когда-то существовало поверье, что в новоотстроенный дом первым вселяется так называемый домовый. Домовой — это, конечно, пустяки, а вот член завкома—жилец, безусловно, существенный.

На нашем цементном заводе Мальцевского округа недавно состоялось распределение квартир. Ордера получили те, кто поближе к начальству. Однако получил и простой смертный, тов. Савоничев. Пришел посмотреть на свою квартиру, а в нее силой вселился член завкома т. Ионцев, а в свою Ионцев поселил сыночка Лагутина. И ничего с ними не поделаешь.

Между прочим, домовых подобного типа контрольная комиссия отлично выводит не только из квартир, но при надобности и из партии.

КРЕПКО ЗАВИНЧЕНО

Главный бухгалтер Госторга т. Шуханович и бухгалтер-инструктор тов. Ливертовский — большие мастера писать циркуляры. Пишут они их необыкновенно просто и понятно. Вот, например, циркуляр от 13 октября 1927 г. за № 8/00111 всем отделениям и конторам:

1. Синтетический учет ведется исключительно по основным счетам номенклатуры на 1927—28 г.

2. Основные подразделения синтетических счетов должны быть сделаны в аналитическом учете механически, т. е. путем применения разделительных карточек.

3. Более глубокая детализация аналитического учета осуществляется также разделительными карточками и индикаторами на них.

Синтетически, аналитически... Смотришь: провинциальный человек и запил механически!

НАПРАСНЫЕ СТАРANIA

Не легко определиться на хорошую должность, но не легко и добиться увольнения с нее.

Администратор Каменногогорского сахарного завода т. Гришин,—пишут наши рабкоры „Два Глаза“,—давно добивается увольнения, но ничего не выходит. Он неправильно рассчитывал слесаря Нельмана и весовщика Гембу. Насаждал сосновый парк на мокром месте, покупал вдвое дороже у спекулянтов жеребцов, занимался кумовством, награждал своего собутыльника председателя Дашевского райисполкома сотней рублей за фиктивный обмер плантаций, беспрерывно пьянствовал, — и ничего не помогает. Не только увольнения, даже выговора добиться не может.

И что же это, братцы, страдает так человек? Нет ли какого средства? Может—проявить неуважительность к трестовскому начальству? Говорят—действует не плохо?

Дан на имя воронежского губотдела союза СТС.

Согласно пунктов 1, 2 и 4 статута *) Ордена Нашего, всемилостивейше награждаем Мы Вас **МАЛЫМ ОРДЕНОМ КРОКОДИЛА** (1-й степени), знаки коего Вам препровождаем.

Одновременно предлагаем всем читателям нашим: знак Ордена, изображенный в настоящем номере, вырезать и препроводить по Вашему адресу в запечатанных конвертах по почте.

Высокая награда сия жалуется Вам за нижеследующее, дошедшее до сведения нашего, документальное доказательство Ваших отличий от всех здравомыслящих граждан СССР:

Т. ПРОНИНУ,
предгуботдела
воронежского
союза С. Т. С.

Профсоюз советских
и торговых служащих
ВОРОНЕЖСКИЙ ГУБОТДЕЛ
21 октября 1927 г.
№ 95/с.

Г. Воронеж. Дворец Труда

Секретно

ПРЕДУОТДЕЛЕНИЙ СОЮЗА.

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Приближается десятая годовщина Октября. Профмассы будут праздновать эту великую годовщину.

Из опыта прошлых лет вам известно, что в дни великих празднований запросы масс культурно-бытового характера неизмеримо вырастают, в частности каждый трудящийся естественно проявит потребности и в так называемых алкогольных напитках. Мы, наведя справки, сочли полезным вам сообщить, что

не задолго до дней праздника торговые операции учреждений Госспирта резко будут ограничены, а поэтому вполне возможно, что наша союзная масса вынуждена впоследствии переплачивать, и безусловно будет это, за нормированную продукцию Госспирта, что крайне отразится на бюджете служащего. Примите соответствующие меры заблаговременно и договоритесь в отношении бесперебойного снабжения напитками объединяемой вами массы по казенной цене из лавок Госспирта.

С тов. приветом Председатель Пронин. Секретарь Юрен.

С чем Вас и поздравляя, остаемся благодарный (на подлинном вилами нацарапано) „КРОКОДИЛ“, Москва.

*) ВЫПИСКА ИЗ СТАТУТА:

Пункт 1. „Орденом Крокодила“ награждаются лица, попавшие в отдел „Вилы в бок“ за особые отличия в деле бюрократизма, за выдающуюся бесхозяйственность или же за проявление чрезвычайной совглупости.

Пункт 2. Лица, отличившиеся впервые и не причинившие своими действиями значительного ущерба госпредприятию, учреждению или рабочим и служащим оных, награждаются Малым „Орденом Крокодила“ (первой степени).

Пункт 4. Награждение происходит по представлению читателей и рабочих корреспондентов или же по постановлению „Крокодила“.

ПО ГАЗЕТНЫМ УХАБАМ

НЕВАЖНАЯ ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ

Казанская «Красная Татария» имеет о некоторых вещах весьма смутное понятие. В номере от 3 ноября она пишет:

Русско-швейцарский комитет горняков

На состоявшейся в Москве конференции горняков СССР и Швеции подписан договор и т. д.

Ставим в известность «Красную Татарию», что жители Швеции именуются шведами, а отнюдь не швейцарами. Швейцаров вообще нынче нет!

МУДРЫЙ СПОСОБ

Редактировать газету—дело не легкое. Обличишь одних—обидятся другие и—наоборот. Редактор чебоксарской газеты «Канаш» придумал особый безвредный способ обличения недостатков. В № 241 напечатаны рядом две такие заметки:

ПЕРВАЯ ЗАМЕТКА:

Ходаровское кредитное т-во работает хорошо. Заготовка яиц прошла исключительно через т-во. Продано 50 плугов. В нынешнем году т-во хочет провести плугов еще больше.

ВТОРАЯ ЗАМЕТКА:

Ходаровское кредитное т-во совершенно не работает. Счетовод Шапаев на службу не является. Члены правления Чугунов и Мозяков захаживают в три дня раз и их днем с огнем не сыщешь. В командировках бывают по 3-4 недели.

Каждый может читать только то, что ему нравится.

«РАБОЧИЕ ПО ТРУДУ»

Ульяновский «Пролетарский Путь», как известно, не очень силен в грамоте. В № 247 во всю ширину газетной полосы напечатан такой аншлаг:

„Привет швейцарским рабочим по труду“

По этому поводу какой-нибудь Петя, 7 лет, напишет в «Мурзилке»: „Милый «Пролетарский Путь», нельзя говорить: «рабочим по труду», нужно говорить: «товарищам по труду»“.

Но и это, прибавим мы от себя, можно сказать только тогда, когда на редактирование газеты, действительно, затрачивается сколько-нибудь труда, чего в данном случае не наблюдается.

„НОРОВ“ МОГЭСА

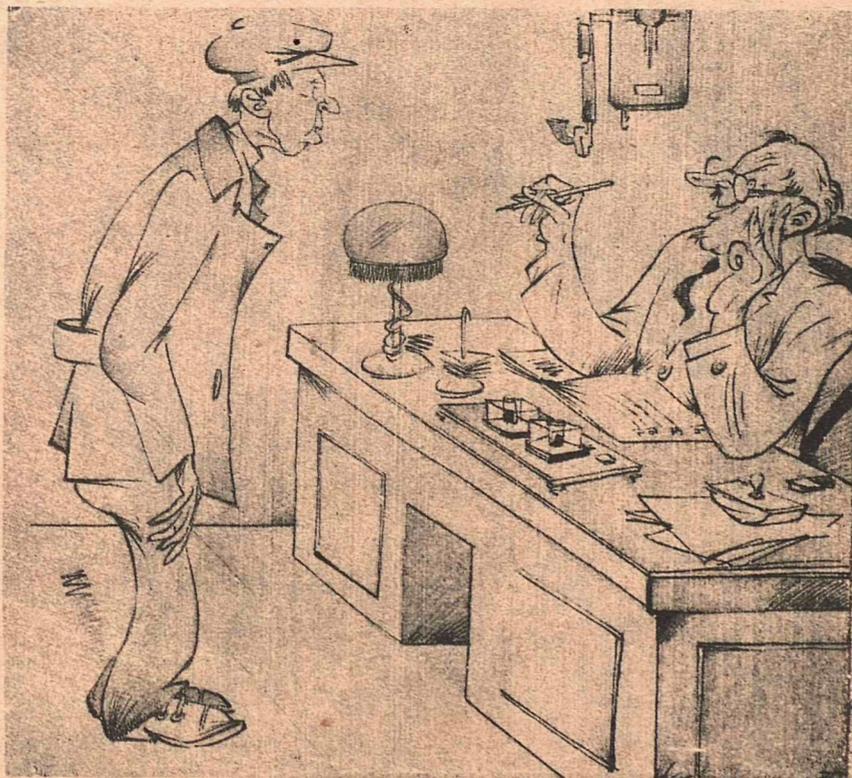
По распоряжению Могеса лифт может работать только от 10 до 3 ч. дня и с 7 веч. до 1 ч. ночи, в часы же возвращения с работы пользоваться им запрещено.

„В. М.“

С работы, утомясь, рабочий наверх лез,
Насмешливо ворча: „Ну, что же, делать нечего...
Ведь может хуже быть,—а вдруг велит Могэс
Жечь лампы лишь с утра до вечера?..“

БЕСПОЛЕЗНЫЕ ЗНАКОМСТВА

Рис. М. Бабиченко

ПРОСИТЕЛЬ: — Я прекрасно знаком с бухгалтерией, со стенографией, с делопроизводством...

ЗАВ: — Лучше вы были бы знакомы с нашим директором, а так—только через биржу.

Рис. Ю. Ганфа

СТОРОЖ: — Что за люди?! Чего собрались?!
ДОМОВЫЕ: — Да мы, товарищ, домовые,— в новые дома назначены. Взносы на те дома собраны, ссуда получена,
а домов-то и нет!!! Мы и мерзнем...